

Владимир ТРЕНИН

Владимир Тренин родился в 1977 году. Окончил Карельский государственный педагогический университет и аспирантуру при Институте водных проблем Севера Карельского научного центра РАН. Работал сторожем, ночным продавцом, учителем географии и биологии, занимался поиском месторождений подземных вод в Карелии. Работает в проектной организации. Автор трех книг. Публиковался в журналах «Север», «Дружба народов». Живет в Петрозаводске.

КОРОЛЬ ШМЕЛЕЙ

Рассказ

1

Чёрные островки сугробов притаились на теневой стороне улицы. Холодно, не пришло время насекомых, но когда я уходил с работы, рядом со мной летал шмель. Он прогудел приветствие, я махнул в ответ. Мохнатый и важный представитель рода сделал три оборота вокруг и удалился на бреющем полёте в своё убежище, досыпать до первых цветов. Я понял знак. Главный шмель проснулся и помнит обо мне. Значит, уйдут все невзгоды и болезни. Будет всё хорошо. Король шмелей присматривает за мной.

Спальня тонула в сладкой черёмуховой духоте. Сжимая бледно-зелёную бутылку «Староретской», я жадно глотал солоноватую минералку, тонкий пластик схлопнулся, нарушив ночную тишину. Вода иссякла. Я потянулся за телефоном, открыл заметки, быстро набрал: «Он думал, что будет счастье. Всегда так случается в первый день лета. Ощущение счастья. Пройдя на кухню, он плеснул в стакан тёплого кипятка и выпил одним глотком. Вода перестала утолять его жажду очень давно. Его жажду не утолить ничем. Он пробовал». Я перечитал запись, вздохнул грустно. Вот так всегда – хочешь нечто пронзительное воспроизвести в тексте, а получается банальщина, внутренние напыщенные монологи главного героя из дешёвого нуара.

Нацепив наушники, запустил новый фильм. Выдержал десять минут просмотра и выключил: «либо со мной что-то не так, либо с киноиндустрией». Во всех сферах жизни происходит отрицательный отбор. Неужели режиссеры не могут объективно оценить только что снятый фильм и стереть своё детище сразу на монтажном столе, сколько бы времени для человечества сэкономили. Жалкие сценарии, картонные лица, в одном Майкле Корлеоне из «Крёстного отца» больше харизмы и тёмной силы, чем во всём легионе героев современных криминальных драм. Я вспомнил Фредо, среднего сына Дона Вито: второстепенный вроде персонаж, но прописан тщательно, ранимый и слабый, чужой в хищной стае, он мне нравился больше всех, как же звали замечательного актёра с тонким носом и зачёсанными тёмными волосами. Что-то острое вертелось на языке, ещё чуточку, и я бы вспомнил, но нет, без интернета не обойтись, неисповедимы сетевые пути. Набрав в поисковой строке «Крёстный отец», я окунулся в океан бесполезных знаний.

Ознакомившись с биографией Джона Казале, исполнителя роли Фредо Корлеоне, направился в центральную Америку, изучил предпосылки революции на Кубе, потом углубился в историю борьбы за независимость испанских колоний, долго шептал имя героического Боливара: «Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Консепсьон-и-Понте Паласиос-и-Бланко», скопировал его в записную книжку, так, на всякий случай. Далее кривая любопытства завела меня в Средневековую Европу, и

вынырнул я из информационной пучины в четыре утра, изучая династию южно-германских королей Гогенштауфенов.

За открытыми окнами шуршал дождь. Переведя будильник с 6.00 на 6.10, я, вздохнув, сдвинул время ещё на пять минут вперёд, проговорил вполголоса: «Симон Хосе Антонио де ла Сантисима Тринидад Боливар де ла Консепсьон-и...» и заснул.

Сообщили в местных новостях: за сутки выпала месячная норма осадков. Почвенные поры газонов и дворов заполнились влагой, и улицы серого города под низким небом оккупировали дождевые черви. Переступая через длинные розоватые тельца, я старался никого не задеть. Тысячи их на асфальте, холодные обрывки переваренных спагетти, с упрямой настойчивостью покидают траву, падают с поребриков на дорогу, торопят свою смерть, они так похожи на людей, суетятся, ползут в разные стороны по своим якобы очень важным делам. Сколько их много сегодня. Говорят, что с дождями черви расселяются быстрее по поверхности земли, но я-то знаю причину суматохи. Белозубый демон, похититель обручальных колец – Зотик слишком сильно топнул ногой и нарушил равновесие в природе.

2

Маленький мальчик плескался в корыте, играл с крышечкой от мыльницы и удивлённо оглядывался по сторонам. До трёх лет мама мыла меня в женской половине общественной сельской бани, думая, что я ничего не соображаю в половом вопросе. Она ошибалась. Я всё понимал и обладал прекрасной памятью. Некоторые яркие картины отпечатались в глине моего сознания на всю оставшуюся жизнь.

Корабль маневрировал вдоль края мыльного океана. Помню цвет берега: жёлтая эмаль с зелёной каемкой. Женщины всегда брали свои, домашние тазы, брезговали казёнными оцинкованными корытами, которые назывались весьма странно – «шайками». Ведь «шайка» это группа бандитов, разбойников, а вовсе и не таз. Взрослые воспринимают совпадение слов, обозначающих совершенно разные предметы, как должное, я же долго не мог привыкнуть к нестыковкам и искал истоки дефиниций. Откуда взялись названия простых вещей: «хлеб», «стол», «нож»? Почему ружьё называется «ружьём». В четвёртом классе, когда начали изучать французский язык, я обратил внимание на сходства некоторых слов: например, «красный» звучало как «руж». Я подумал, что если предмет может окрасить кровавым, красным, то существительное «ружьё», возможно, и есть производное от иностранного слова «руж». Мне показалось логичным объяснение. Рассказал об этом открытии отцу, он улыбнулся и спросил:

– Скажи, а «зелёный» по-французски как звучит?

– Зелёный значит «вер», – ответил я.

– Вот верба зелёная же за окном, вполне вероятно, от этого слова и получила название, и слово вера, такое хорошее, зелёное, работает схема, значит, русский словарь вырос из французского! – засмеялся папа. – Что-то в этом есть первобытное. Можно развить твою интуитивную догадку не только для объяснения природы слов, но и сложных явлений, которые на самом деле очень простые. Смотри:

– Солнце ярко светит, потому что кошка жмурится, ветер, начинается от крутящихся лопастей мельниц, летящих воздушных змеев и пушинок одуванчиков, а осень приходит из-за того, что вербы, осины и берёзы начинают желтеть.

– Нет, пап, осень начинается, потому что грустно и надо уезжать из деревни в город, и школа опять же... – я насупился, догадавшись, что папа шутит и моя теория по происхождению слов ошибочна.

– Не обижайся, ты молодец, кто ищет, тот найдёт. Кстати, может, ты и прав насчёт осени, – заметил он серьёзно. – «Потому что грустно».

Кругосветное путешествие пластмассового красного фрегата закончилось внезапно, обвалилась высокая скала и преградила путь: провисшие сморщенные груди с большими увядшими розами сосков упали на мой корабль. Почувствовав запах дыма, ромашки, еловой хвои и чего-то ещё таинственного и пряного, я поднял глаза и с трудом узнал в голой высокой старухе с распущенными до пояса мокрыми седыми волосами бабушкину подругу – тётку Лизавету. Она поздоровалась с мамой, наклонилась, чмокнула меня в макушку и потрепала по щеке.

– Экий бутуз растёт, глазоньки болотные внимательные, заты-я-гивоют, а щёки, посмотрите-ко на кота-боярина, такими щёчками знатными только бы медок хлебать!

Затаив дыхание, я стерпел сомнительные комплименты, хотя искреннее возмущение переполняло меня. Никто не спрашивает у ребёнка, хочет ли он таких нежностей.

Нельзя маленьких мальчиков водить в женское отделение. Почему взрослые не понимают, что дети видят даже то, что не под силу узреть и старым. Малыши обладают свежим даром познания и прекрасной памятью. Даже у младенцев, скажу я вам, самые мощные, особенно яркие впечатления накапливаются в чулане подсознания, холодной смолой опасного груза. Через годы, при случае: эмоциональной перегрузке и накалённом градусе внешней среды, эти чуть тлеющие виртуальные кирпичики могут внезапно материализоваться в такой могучий всплеск, от которого запросто рухнут хрупкие рамки личности.

Я смотрел на дряблые морщинистые ягодицы, рыхлые животы, покрытые архипелагами пигментных пятен, кривые ноги с лабиринтами выпуклых вен, горбатые спины старух, изломанные тяжёлым трудом, но вдруг выплывала из клубов пара, как Аврора из облаков на картине Пьера-Нарсиса Герена, грациозная молодая девушка с розовыми сосками и корытом, прижатым к бедру. Она улыбалась мне, и я, открыв рот, наблюдал, как золотое мочало взбивает мыльное облако на атласной распаренной коже богини, и спускаются вниз отлипшие берёзовые листочки.

Потом я вырос и уже мылся самостоятельно. На входе в баню кидал на блюдце кассы тридцать копеек, стоимость двух билетов, на меня и двоюродного брата Семёна. Сразу за дверью мужской половины нас встречала блестящая величественная пирамида из эмалированных шаек, похожая на модель шумерского зиккурата. Мы старались приходить ближе к вечеру, когда поменьше народу. За полчаса перед закрытием оставались одни в большом гулком зале с деревянными рядами широких скамеек. Через большие окна, заложенные рельефной полупрозрачной стеклянной плиткой, пробивался розовый вечерний свет.

Дурачась, обливая друг друга ледяной водой из шаек, мы забегали в парилку, хлестались вениками до одурения, пока нас не выгоняла сердитая уборщица. Она без церемоний заходила в мужской зал, не обращая внимания на детские крики. Мы возмущались, закрывали вениками и ковшиками причинные места, слегка заросшие кудрявым золотистым волосом, оберегали наши тайны от постороннего женского взгляда.

– Можете не прятать свои стручки, не бойтесь, не ослепну, – ворчала тётка. Она витиевато ругалась, чистила загаженные лежаки. Слабые организмы больных стариков иногда не выдерживали тепловых нагрузок парной, расслаблялись и опорожнялись прямо под себя, на полки, даже не пытаясь добежать до уборной, всякое случалось. Помню, как открыв рты замороженно наблюдали за жизнерадостным безруким ветераном. Он словно тираннозавр махал культяпками, словно обрубками варёной колбасы с завязками на кончиках. Такие куски никто не хочет брать в магазинах, и они засыхают на прилавках.

Калека улыбался. Его товарищ с радостным остервенением хлестал безрукое тело веником, увечный довольно кряхтел, отпускал шутки и подмигивал нам. Вот это были люди! Жизнь в них кипела, и слыхом не слыхивали они о депрессиях и кризисах среднего возраста.

Крепкие, распаренные дядьки курили в раздевалке после мытья, немного выпивали, натягивали белые майки на исковерканные войной тела. Застёгивали большими корявыми пальцами маленькие пуговицы чистых сорочек. Сверкая фиксами, рассказывали смешные истории, расходились по домам, где их ждали жёны, горячий ужин и холодная чекушка.

В конце лета в баню явился настоящий леший. Высокий, неопределённого возраста человек, заросший, лохматый, с длинной бородой от прозрачных глаз, сваленной с сеном и мхом в бурый войлочный клин. Он переступил порог раздевалки, опираясь на узловатую палку из соснового корня, оглядел все присутствующих, гаркнул неожиданно молодым и мощным голосом:

– Здравия желаю, орлы! С лёгким паром!

– Здорова, Ефимка! Никак сполоснуться собрался? В этой пятилетке мы тебя не видали. Коровы, небось уже разбегаются, канечна, от такого вахотного, волоса-то вилами не расчесать, вона на два пальца землёй покрылся, – зубоскалили мужики.

Ефим не обиделся, широко улыбаясь, сбросил свои полевые, пропахшие сеном и навозом одежды, оголяя белую спину. Традиционная линия крестьянского загара ограничивалась лицом, шеей и кистями рук. Клацая по плитке длинными желтыми когтями на чёрных и похоже взаправду не мытых много недель ногах, он ухватил загоревшей клешнёй три шайки сразу. Один таз он кинул себе под ноги, во второй налил себе кипятку, а в третий – ледяной воды. Зайдя в парилку, сделал вид, что замерзает:

– Холодрыга! После такого пара тока сопли на кулак мотать.

Он вскарабкался на самый верхний полок и скомандовал: – Ну-ка, робя, кто там поближе к амбразуре, поддай-ка жару, а то зуб на зуб не попадает.

Зашипели камни, и перехватило дух. Мы с Сёмой жались поближе к двери и дышали через щёлочку.

– Имей совесть, Ефимка, в аду холоднее, – роптали люди. Наклонившись и втянув головы, они спускались ниже. Некоторые не выдерживали нагрузки и убегали из парной.

– Ещё давай, – не унимался Ефим. Он, казалось, вообще не чувствовал температуры, расправив плечи, впитывая тепло каждой порой тела.

Смывший грязь и причёсанный Ефим походил на Иисуса Христа. Облачаясь обратно в своё полевое рубище, он смеялся над шутками окружающих, но взгляд его небесно-голубых глаз был отстранён и печален.

Необычный посетитель работал деревенским пастухом. Домом для дяди Ефима служил лес с полем, ночевал он в землянке за селом, с рассветом выходил на главную дорогу, играл в рожок. Хозяйки выпускали коров со двора, с закатом он возвращался, и уставшие сытые бурёнки расходились по домам.

Ефима любили и уважали, хотя и посмеивались над его непутёвостью. Я очень удивился, когда увидел однажды вечером, как дедушка здоровался с пастухом за руку и рассказывал ему последние мировые новости:

– На Ближнем Востоке как всегда горячо, арабы в Бушере атомную станцию бомбят. Персам «битва за болота» дорого обошлась, силы копят. В Турции «Рабочая партия Курдистана» бунт устроила, надолго теперь война, зря турки курдов зажимали, всё-таки их десятки миллионов, а своего угла нет. ...Верхняя Вольта, кстати, название сменила, теперь Буркина Фасо кличут – в переводе «страна честных людей», во как! Тамилы на Целойне бузят. ... В Афгане без изменений, наши застряли крепко, заманили англосаксы в ловушку, так просто не выкарабкаться.

Ефим понимающе кивал. Я никак не мог взять в толк, ладно дед, самый начитанный человек на селе, а откуда разбираться в тонкостях международной политики живущему в лесу, погоняющему скот бродяге?

С годами, проживая свой путь, пробуя и ошибаясь, я самостоятельно пришёл к пониманию простой истины, которая стала забываться в последнее время: рано делать вывод о человеке по его внешнему виду. «Серьёзное лицо – не признак ума», – говорил

наш барон Мюнхгаузен, так и элегантный внешний вид – не показатель разумного и хорошего человека. Причесанные чистенькие хлыщи, попадавшие мне по жизни, в отполированных туфлях, при костюмах и галстуках, нарциссично разглядывающие своё отражение в любой зеркальной поверхности, будь то стёкла машин, витрины или лужи, оказывались очень часто подлецами.

3

Дед не ходил в баню по неизвестной мне причине, которую я выяснил позже. Бабушка грела воду, вытаскивала большую ванну, висящую в сенях. Он выгонял всех из комнаты, закрывался и мылся самостоятельно. Уже постарше, я как-то забежал в дом и застал его, переодевающего рубаху, он стоял спиной ко мне, обнажённый по пояс, кожа напоминала мятую обёрточную бумагу, словно сморщенная кора дерева, порванная, сожженная, покрытая безволосыми глянцевыми шрамами и зарубками. Я испугался и незаметно вышел. Вечером я спросил у бабушки, что случилось с дедом, и она рассказала, что он воевал командиром танка, горел неоднократно, последний раз в Вене, тогда он единственный выбрался из пылающей машины. Вскоре дед уйдёт навсегда, и наконец встретится со своим вечно молодым экипажем.

В ту же знаменательную субботу дедушка в клетчатой рубашке, довольный и немного выпивший, смотрел футбол по телевизору и размешивал сахар, звонко постукивая о краешек тонкого стакана в тёмном тяжёлом подстаканнике с изображением первого советского спутника.

Я сидел на крыльце после бани, чистый и румяный, рядом миска с только что собранной клубникой и блюдец с мёдом. Мама с бабушкой поливали грядки, а я выбирал самую красивую блестящую ароматную ягоду, отрывал зелёный хвостик и макал алый конус в мёд, потом широко открывал рот и укладывал клубничину целиком. Бабка Лизавета, была права, щеками меня Бог не обделил, даже самая большая ягода заходила с запасом и сладкой судорогой разливалась по телу. Не знаю, кушал ли я такую вкуснотищу когда-нибудь ещё в жизни, наверное, нет. Сейчас я не ем клубнику, сейчас я мало что люблю.

Вот так, наслаждаясь ягодами и наблюдая за кораблями, я радовался жизни. Пароходов было много, они медленно двигались по Волго-Балтийскому каналу. Воды не было видно, только верх бортов и белые рубки сухогрузов, казалось корабли шли между копен сохнувшей, недавно скошенной травы, прямо по золотисто-изумрудному, колючему после сенокоса лугу, мой взгляд перешёл на поленницу у дороги, калитку и споткнулся об яркое пятно, нечто непонятное лежало у стены под окном. Оторвавшись от клубники, я спустился и обнаружил под завалинкой шмеля. Аккуратно положил его на ладошку и внимательно рассмотрел. Это был огромный красивый шмель, я не встречал таких особей раньше. Жёлтые, чёрные и оранжевые полосы, высокий блестящий ворс, это точно был не простой, а самый что ни на есть благородный шмель, я ткнул пальцем в полосатое брюшко. Мохнатое тельце пошевелилось.

Наверное, шмель врезался в открытое окно и упал оглушенный, а может, просто летел издалека и обессилел.

Аккуратно взяв, подул, взъерошив золотистые волоски на брюшке, положил его рядом, подвинул ему блюдецко, казалось, шмель двинулся, я легонько тронул его, чуточку двинув ближе к еде.

Шмель вздрогнул, почувствовав живительную сладкую энергию, зашевелил передними лапками и окунул хоботок глубже. На глазах он набирался сил, оживился, запустил моторчик крыльев. Спустя некоторое время, он совсем окреп и перелетел мне на колено. Почувствовав кожей его касание, подвинул ему ладошку, липкую от мёда и клубники. Он прыгнул на руку, повернулся и посмотрел на меня снизу вверх, словно

запоминая спасителя. Потом кивнул, так мне показалось, я сказал «здравствуйте», именно на вы, это был очень представительный, солидный шмель, как-то неловко было тыкать благородному созданию.

Я поднял руку, как обычно делал, когда находил и отпускал в полет божью коровку.

– Лети на небко, уважаемый Шмель, к себе домой, там наверно вас заждались.

Шмель ещё раз кивнул мне, спрыгнул с ладони, провалился немного в воздухе, но набрал высоту и полетел, громко прогудев напоследок.

– Бабушка, мама! Я только что спас шмеля, накормил его мёдом, он ожил и полетел, представляете? – крикнул я, подбегая к парнику. – А ещё он кивнул, поздоровался со мной. Наверное, это был не обычный шмель, он такой большой и красивый, это их главный предводитель – король шмелей!

– Фантазер, ты Коленька, – улыбалась мама и потрепала меня за пухлую щёку.

4

После смерти деда любимый его кот Маркиз ушёл и больше не появлялся. Говорят, его видели на леспромхозовской стороне у старой плотины, он воровал подлещиков у рыбаков, дразнил дворовых цепных барбосов, от души терроризировал округу. Котей отличался суровым характером, детей не замечал, бабушка играла роль промежуточного звена между холодильником и его миской с едой. Маркиз не хотел возвращаться в дом без деда, и бабушка взяла котёнка. Маленького серого пушистика с белыми лапками. Общим собранием в составе меня, брата и старшей сестры Аси зверя назвали Пушок, или просто Пух.

Непоседа Пух оказался неуправляемым, забирался на занавески и шкафы, кидался под ноги входящим в дом гостям, норовил ускользнуть на улицу. Однажды вечером сестра случайно защемила его тяжёлой входной дверью. Котик хотел проскочить, а она не посмотрела под ноги. Мы втроём рыдали, склонившись над маленьким пушистым тельцем. Поломанный котёнок всю ночь жалобно кричал. Мы положили ему самой вкусной еды, налили парного молока в блюдечко. Несчастный не притронулся к пище, извивался по полу, скуля от боли. Вечером бабушка сходила к подруге Лизавете, той самой старухе из бани. Та забрала Пуха с собой, сказала, вылечит к утру. Мы не спали всю ночь.

Лизавета сдержала слово, с первыми лучами солнца в кухню ворвался целёхонький и весёлый котёнок, наш Пушок. Выпил вчерашнее молоко и полетел играть по своим любимым углам и коврам, мимо нас, поражённых столь внезапной переменой.

Бабушка всплеснула руками:

– Матушка, берегиня ты наша, как тебя отблагодарить, все нервы вымотали с котейкой покалеченным, я думала не жилец.

Лизавета, прищурилась, внимательно посмотрела на меня, так что похолодело внутри, и ничего не сказала.

Я подумал, что это другой, не наш Пух, детей попросту обманули, подменив котёнка. Взял его на руки и внимательно рассмотрел. Серый, глазастый, белые чулочки на лапках. Мне показалось странным, что у кота появилась светлая дорожка между ушками, на что Лизавета ответила загадочно:

– Ночью приходил дух лесной и погладил его, как раз по головке, вот след и остался.

Пух вырос, исправно ловил мышей и кротов, складывал их рядком на крыльце и гордо садился у добычи.

Из маленького шаловливого комочка получился умный котей, иногда Пух позволял себя почесать между ушками по светло-серой дорожке, проложенной лесным духом.

В следующее лето Пушок спас нам с братом жизнь.

В первое воскресенье августа, поздно вечером кто-то постучался. Бабушка открыла дверь. На крыльце стоял молодой мужчина в пиджаке с чемоданом.

– Извините, – сказал он. – Я опоздал на метеор в Череповец, можно до утра перекантоваться.

– Проходите, – бабушка впустила незнакомца.

Наш дом находился недалеко от пристани, и он, заметив свет в окнах, решил попроситься на ночлег. Сейчас покажется странной и небезопасной идея запустить чужого человека на ночлег, но в северных русских деревнях ничего необычного в этом не было. Людям доверяли.

Бабушка постелила гостю в большой комнате на диване. Наша с братом спальня была смежной и отделена от гостиной белой двухстворчатой дверью без замка или шпингалета.

Я сходил в туалет и на всякий случай прихватил топорик, завернув его в мешковину. Незаметно пронёс свёрток мимо постояльца. Тот включил ночник и что-то искал в своём чемодане, не обращая на меня внимания. Проходя, я почувствовал запах жжёной резины, мне показалось, его плечи неуловимо дёрнулись, словно сведённые судорогой, он вдруг повернул голову юрким нечеловеческим движением, зыркнул чёрными глазами и мигнул...

Кишки мои похолодели и сжались. Я проскользнул в спальню и придвинул кресло к двери.

– Сёмка, он мигает ненормально.

– В смысле?

Я свёл и развёл ладони: – Вот так, все мигают горизонтально, а он вертикально мигнул, как створки лифта сходятся, клянусь...

Сёма поднялся с кровати и на носочках прошёл к тумбочке, где покойный дед хранил инструменты, выбрал самый большой молоток и положил в постель.

Мы долго не могли уснуть, переговаривались вполголоса, слышали, как беспечно захрапела бабуля в комнате за кухней.

– Ей хорошо, там засов есть на двери, – шепнул я.

Постоялец не спал, шоркался, шелестел пакетами.

– Ножик наверняка разворачивает, падла, – брат засунул руку под подушку, нащупывая рукоятку молотка.

Моя ладонь на топорике взмокла.

– Что это? Слышишь! – Сёма приставил указательный палец ко рту, испуганно выпучив глаза.

Мы замерли. Кто-то царапался в окошко. Это был Пушок.

– Господи, Пух, как ты нас напугал, – я щёлкнул шпингалетом, запустил кота.

– Ни в коем случае нельзя засыпать. Будем дежурить по два часа, – сказал я.

Кинули на морского, сторожить первому выпала очередь Сёме. Пушок лёг рядом со мной, успокаивающе замурчал.

Открыв глаза, я почувствовал укус в руку. Пух пристально смотрел на меня, увидев, что хозяин проснулся, он мякнул, выгнулся дугой и прыгнул на пол, застыл у двери в боевой стойке, подняв хвост и оскалив пасть. Сёмка, конечно, дрых на посту. Я толкнул брата и подкрался к двери.

– Вы-ыр кто? – слышался шёпот из гостиной, совсем рядом, как будто источник звука находился в нескольких сантиметрах от моего уха.

– Вы-р кто... явы-ыр...

– Ты слышишь, то же что и я? – я повернулся к зевающему брату.

Мы замерли, стараясь уловить странные слова.

– Явы-ы-р-кто, уш-ш-ш-у-ку... ей-шорохикчесть иикшу, – прошипел страшный голос за дверью. От зловещего звука меня отделяла тонкая дверная доска.

Клянусь, я это слышал, и Сёмка тоже!

Брата заколотило мощным тремором, я, наоборот, онемел от ужаса, сжал топорщице. Через секунду мы, отшвырнув стул, выскочили с криком в гостиную, я поднял над головой топор, сразу решив вмазать злодея по макушке резким ударом дровосека.

Мужчина испуганно смотрел на нас, он сидел на диване, читал книжку у включённого ночника и жевал пирожок. Похоже, вечером в чемодане он рылся в поисках съестного.

На грохот и ор выбежала бабушка, простоволосая и в ночной сорочке.

– Быстро спать... Охламоны! Господи, за что мне такое наказание! Скорее бы уже вас мамки в город забрали. Человека чуть до инфаркта не довели.

Утром она напекла в дорогу для незнакомца калиток. Гость помылся в уличном рукомойнике, почистил зубы, долго расчесывался, прилизывался, насвистывая весёлый мотив, в утреннем свете хорошо различалась перхоть на корнях чёрных волос, густо усыпавшая широкий белый пробор.

Сухощавый высокий брюнет с брезгливым выражением лица. Комсомольский значок на пиджаке. Он был молод, лет двадцати пяти, наверное, чем-то болел, судя по бугристой серовато-жёлтой коже и тёмным кругам под глазами. Меня, наблюдающего за гостем, не покидало неприятное ощущение, словно я трогаю рукой осклизлую гнилую поганку.

Он пил чай, опустив глаза. Мы с братом внимательно следили за его лицом, стараясь поймать момент его моргания, но никак не получалось, он всё время отворачивался, односложно отвечал на бабушкины вопросы и делал вид, что ночью ничего не произошло. Посмотрел на часы, отодвинул стул, поднялся и достал из кармана бумажник:

– Спасибо за гостеприимство, сколько я вам должен?

– Бог с тобой, ничего не надо, – бабушка замахала руками.

Гость всё равно открыл кошель, достал пять рублей и положил на стол.

– Отступись батюшка, не обижай, чай по одной земле ходим, может, моим внукам тоже люди помогут, – она взяла синюю бумажку и сунула ему в карман пиджака.

Мы дождались, когда подозрительный гость выйдет за калитку, перемахнули через ограду и выдвинулись к пристани коротким путём по лугу. Хотелось удостовериться, что этот человек точно уедет из посёлка. Нас не оставляли жуткие воспоминания о зловещем шорохе за дверью. Мы пришли раньше и спрятались за ящиками с помидорами, оставленными после ночной разгрузки астраханской баржи. С наблюдательного пункта хорошо был виден бетонный пирс. Суетились речники, подготавливая трап для показавшегося из-за поворота канала метеора. Неприятный брюнет не опоздал, купил газету в ларьке «Союзпечати» и сразу прошёл на борт, в последний момент оглянувшись в нашу сторону, как будто знал, что за ним следят.

Долго не успокаивалась вода в канале оттенка кофе с молоком. Я и Сёма наблюдали, как белая корма метеора сообщением Вытегра – Череповец растворилась в утренней дымке.

– Может, нам послышалось? Ничего он не шептал и не хотел нам плохого сделать? – предположил Сёма по дороге домой.

– Обоим, одно и то же? Так не бывает, – сказал я, сам задумался, вспомнил страшное шипение.

Я забежал вперёд повернулся к брату и посмотрел в глаза: – Постарайся повторить, что он говорил.

– «Вы кто»... или «выр кто»... «явыркто», дальше что-то про «ушуку», – невнятное совсем.

– Смотри Сёма, – меня осенило.

Я взял в руку обломок известняка и нацарапал по жирной серой пыли на обочине дороги большими прописными буквами: УШУКУ.

– Читай, ничего не напоминает?

– Ушуку, – Сёма пожал плечами.

– А теперь, наоборот, с конца.

Брат, нахмурившись, шевелил губами:

– Укушу! – Колька, ты гений! Укушу! Укусить он нас собрался, сволочь! ... Да, да именно это он и шептал и ещё шуршал, ты помнишь.

Я продолжил запись: УШУКУ ШОРОХИКЧЕЩ ИИКШУ. Подумал и дописал: ЯВЫРКТО. Выпрямился, отбросил камень и прочитал по слогам:

– От-кры-вя уш-ки и щеч-ки хор-ош укушу.

– «Открыва», значит открывай, ушки и щёчки хорошие наши укусить ему захотелось, – Сёма развеселился от простой разгадки. – Да этот шутник Череповецкий посмеялся над нами. Щёки, ушки, напугать решил, нас таким не напугаешь.

– Скажи Сёмка, правда, у меня такие большие щёки? В школе меня девчонки называют бублик с маком, потому что я вот такой, луноликий и в веснушках.

– Колямба, хорош, вон ты какой умный.

– Блин, причём тут это, – я чувствовал, как брат уходит от вопроса. – Значит, права была бабка Лизавета. Ещё тогда, в бане.

– Обычные щёки, главное ты же не жиртрест?

– Нет, – я напряг пресс. – Смотри, можешь кубики пересчитать.

– Вот, я и говорю, не жиртрест.

В этот день бабушка дала задание: выбить паласы и ковры. Долго заставляя нас не надо, мы любили это дело. Использовали палки, заготовки для лопатных черенков. Обычно, избивая любимую бабушкину дорожку, мы вспоминали соседа, вздорного старика, скандалящего по пустякам: подумаешь, улетел мяч на огород. Родео на его любимой свинье тоже не повод для истерик.

Сегодня мы выбивали пыль, вспоминая неприятного ночного посетителя.

– Может, он действительно колдун, а, Сёма?

– Шипел, гад, хотел нас вкус попробовать. Двинул бы топориком в пробор, – я рубанул по среднеазиатскому орнаменту в бордовых тонах. – Вот я бы ему по плешке – трах... гаду такому!

– Сволота, не на тех напал, кровушки хотел нашей. Упырь шепелявый! – Сёмка колотил по паласу, сильнее чем Красная армия била немца под Сталинградом.

– Эй, шkodники, полегче, порвёте дорожку, между прочим, Сёма, я её тебе в наследство завещаю, – кричала бабушка с крыльца.

Всё тщетно, нас было не остановить, мы вошли в раж и бились решительно с пыльной нечистью, не на жизнь, а на смерть.

5

Через дорогу от бабушкиного дома выросло кряжистое двухэтажное здание, сложенное из огромных брёвен.

В нём размещалась пожарная часть и работали самые лучшие люди на свете. Они любили нас с братом, как своих детей. Пожарные мастерили нам кораблики, катали на мотоциклах, давали полазить по большим красным машинам и даже брали с собой на плановые заправки цистерн водой.

Среди добрых людей выделялся загадочный персонаж по имени Зотик. Бородатый, крупный чернявый мужчина, похожий на цыгана Будулая, героя известного в то время фильма. Он единственный из всех не проявлял к нам никакого внимания, просто не замечал.

Бабушка Зотика не любила. Однажды у неё пропало обручальное кольцо, золотое, широкое и тяжёлое. Она почему то знала, кто это сделал.

– Зотик украл, бес, демон чёрный, – заключила бабушка после недолгих поисков и погрозила кулаком в сторону пожарной части.

Когда пришло время дежурства Зотика, бабушка подошла к нему, кутившему у входа, и предъявила обвинение в краже кольца.

Пожарный задумчиво посмотрел в небо, потом на неё и, прищурившись, спросил: – А под кроватью смотрела?

Странно, но кольцо мы действительно нашли потом под кроватью в бабушкиной спальне, чего Зотик точно не мог знать. Он никогда не заходил даже к нам во двор, не то что в дом.

Бабушка крутила кольцо на пальце и смотрела в окно:

– Он взял, а потом подкинул. Ох и хитрый, демон белозубый. Определённо, бабушка что-то знала про него. Зотика она всё равно называла «Вором» и «Бесом», вот такая вытегорская «презумпция невиновности».

Как-то вечером перед рыбалкой мы искали червей. Поднимали чурки и доски, перекинутые через высохшие лужи, обнажали чёрные пролежни в земле, с белыми стеблями и корнями, вытаскивали розовых жирных червей. План был набрать две сотни, рыбалка планировалась мощная.

Как назло сушь стояла страшная, черви ушли вглубь. Наскребли от силы три десятка.

На крыльцо пожарной части вышел Зотик, он долго курил, наблюдая за нашими потугами.

Выкинул окурок в ведро, обернулся вокруг, каким-то неуловимым быстрым движением, неожиданным для грузного тела, переместился через полста метров ближе к нам, топнул ногой, отпрыгнул и плюнул в след от ботинка. Топнул ещё раз, и показалось, что земля дрогнула и предзакатное безоблачное небо потемнело. Мы смотрели с братом, открыв рты и с консервными банками в руках. Зотик, посмеиваясь, засунув руки в карманы, удалился в дежурку.

– Во даёт, может, и правду о нем бабушка говорит, – Сёма первым отошёл от удивления.

– Смотри, Колька, – брат показал на обочину, где мы только что откатали гнилую дровину.

Земля выталкивала мясистые тельца. Они вились кольцами и ползли с обочины на дорогу – великое множество толстых дождевых червяков, словно охваченные безумием, сплетались в клубки в едином странном танце. Я посмотрел в сторону жарки, Зотик сверкал улыбкой в открытое окно.

– Бес он, точно колдун.

Мы выкинули свою старую вялую добычу в траву и начали набирать новых червей.

Ночью хлестнуло рябиновыми ветками по окнам. Грянул гром. Мне снилось, что ночной гость, уехавший на метеоре в Череповец, вернулся, он забрался во двор, вот сейчас шипит и заползает в открытое окно, я вижу его длинные пальцы, расширяющиеся в суставах, и широкие фаланги с пластинами ногтей, словно лапы с присосками, как у геккона. Он хватается за подоконник, и его вытянутое тело в пиджаке сползает на пол, ноги неестественно выворачиваются, я вижу его стёртые подметки на ботинках.

– ... лешприя иктуш-ш иламуд... уш-шу-к... – шипел он с пола, роняя ядовито-зелёную слюну с длинного раздвоенного языка, руки и ноги были скручены в суставах в обратную сторону, тело его извивалось как у ящерицы.

Я в ужасе застыл в кровати, ничего не мог сделать.

Воздух в комнате густел, из вязкого облака материализовался Зотик. Он схватил шипящего брюнета за ногу, раскрутил над головой сильно-сильно и зашвырнул за горизонт через растаявшую бревенчатую стену.

– Привет тебе от короля шмелей! – спаситель белозубо улыбнулся и исчез так же внезапно, как и появился.

На следующее утро мы пошли на рыбалку. Рассказал брату сон.

– Спас тебя Зотик, значит он на нашей стороне, – сделал вывод Семён.

У плотины никого не было. Водяная пыль застилала глаза. Мы закинули снасти и замерли в ожидании.

Надо же, такие хорошие черви, а рыба не клевала. Небо затянуло ещё сильнее, капли набухали, и грибной дождик превращался в обложной бесконечный ливень.

– Ох уж этот Зотик, перестарался, накликал непогоду, пойду-ка я за мост схожу, – Сёма решил попытать удачу на другом берегу.

Воткнув удилище, я спрятался под старую липу недалеко от воды. Надежда на улов пропала. Стоя на берегу реки, слушал шелест капель в листве, рассматривал ствол дерева. Он наполовину сырой, слева кора с лишайником, насыщенным водой, капли цвета раствора фурацилина сползали с мохнатых трещин. Рядом сухая половина ствола, лишайник белый. Промокшая часть яркая, насыщенно-зелёная, по ней полз дождевой червь, он удрал из банки с наживкой, забрался очень высоко, уже на уровне глаз, зачем он лезет туда. Оторвался от земли, и он высохнет, умрёт, когда дождь закончится. Я сыграл в вершителя судеб, взял извивающееся тельце и положил на землю. Вытряхнул из банки в траву остальных червей и решил сворачивать удочку.

6

Я переезжал на велосипеде понтонный мост, очень аккуратно, чтобы не разбить пятилитровую банку с молоком. Слякка находилась в авоське, нацепленной на руль старой чёрной «Камы». Ласточки-береговушки разрезали небо стремительными штрихами. На предплечье спикировал птичий помет, я мотнул рулём от неожиданности, тяжёлая ноша бзыкнула, ударилась об раму. Внутри похолодело, я выдохнул:

– На счастье...

Съехав с моста по металлическому скату, соблюдая все предосторожности, я набрал скорость и на повороте в родной Пожарный переулок увидел знакомую девушку, вернее уже молодую женщину, ту самую, из бани.

Последние месяцы она являлась во снах: с тазом на изогнутом бедре, в облаке пара, потом улыбалась и медленно мылила мочалку. Неведомая доселе, загадочная, приятная тяжесть накрывала меня.

И вот, она здесь, идёт, разговаривает с подругой, не обращая внимания на мимо проезжающего подростка. Проскочив мимо на расстоянии вытянутой руки, я бросил взгляд за плечо, потерял управление, врезался в камень у обочины и, перелетев через руль, свалился на дорогу, порвав штаны, рассадил колено и содрал кожу на правом плече до мяса. Не обращая внимания на боль и покалеченный велосипед, я смотрел ей вслед. С леспромхозовской стороны поднимался лесовоз, здоровенный шумный «Урал». Её фигура в лёгком жёлтом платье растворилась в клубах белой пыли из-под огромных колёс, а может, это была не она?

Только сейчас я обратил внимание, что банка разлетелась вдребезги, молочная клякса белым спрутом расползлась по дорожной спрессованной супеси. Капли горячей мальчишеской крови падали в жирное молоко: в тот день я принёс своё первую жертву Богу любви.

Позже я встретил её в книжном магазине, она работала продавщицей. От неожиданности потерял дар речи и выскочил на улицу как ошпаренный. На следующий день, причесанный в чистой футболке, с тремя рублями в кармане, собрав волю в кулак и еле сдерживая сердцебиение, заглянул в торговый зал.

– Здравствуйте, – сказал срывающимся голосом, переступив через порог.

Она, не обращая на меня внимания, читала сидя за прилавком. Я ходил вдоль полок, рассматривал книги. Названия расплывались, от волнения не мог разобрать слова. Выбрав наугад тоненький томик в твёрдом переплёте, положил перед ней.

«Франкенштейн, или Современный Прометей» Мэри Шелли, не рано тебе такие книги читать?

– Мне в сентябре тринадцать лет исполняется.

– Хорошо, читай на здоровье, – улыбнулась она и протянула сдачу.

Поход в книжный магазин превратился в ежедневный ритуал, дождь не был помехой. Да что там, если бы магазин находился в десятке километров от дома, я бы и пешком бегал, чтобы увидеть дрожащую венку под коленями у моей прекрасной продавщицы. Иногда просил снять книжку с верхней полки, и девушка забиралась на маленькую скамеечку, нарочно отворачивалась, немного задерживалась в таком положении, я млея, пожирал взглядом золотистую кожу сантиметр за сантиметром, и думать боялся о тайне, скрытой выше, там, за краем ткани. Она понимала, чего желал настойчивый посетитель, с каждым разом платья становились всё короче.

Раскручивая педали, я летел по белой дороге, и хотелось сделать что-то такое особенное, сказочное чувство зрело во мне. Когда она вставала на носочки, я невольно сглатывал слюну. В глазах темнело, в ушах играла сладкая музыка, взрывалась хлопушка внизу живота, жаждал продлить это миг ещё и ещё.

Всё закончилось, когда я увидел мою продавщицу у сельмага на леспромхозовской стороне, она, весёлая, игриво смеясь, усаживалась, придерживая юбку, задорно перекидывала загорелые ноги через порог белого «Москвича». Дверь закрыл и сел на водительское место приезжий неприятный тип, он тоже улыбался, но так мерзко, и сил не оставалось сдерживаться, чтобы не плюнуть в его красную широкую физиономию.

В книжной лавке я больше не появлялся, злорадно представляя, как продавщица ждёт меня, страдает, выходит на крыльцо и смотрит вдаль, прикрыв ладошкой глаза от солнца.

Я так и не узнал её имени.

7

Мне семнадцать лет, от моего голоса в бабушкином серванте звенела посуда, днём вокруг меня летали шмели, на плечи гадили ласточки, а ночью мне всё так же снилась фемина из бани и ещё много других девушек.

Книжный магазин закрылся, а мою продавщицу, наверное, увёз красномордый ухажер в город Череповец.

Утром я бегал до озера на окраине села и переплывал его. Обычно не задерживался на другой стороне, разворачивался метрах в тридцати и возвращался обратно, но в этот день я решил изучить берег подробнее.

Почувствовав под ногами дно, попытался встать и провалился в холодный ил по колено. Пришлось подплыть до самого уреза воды. Высоченные мощные стволы и кроны закрыли небо, но мрачный ельник не пугал, а звал меня, корба тянула мохнатые тёмно-зелёные лапы. Я вылез на колышущийся неустойчивый моховой ковёр. Прошёл вглубь леса. Мне показалась, впереди мелькнула светлая тень, женская фигура, я побежал, но потерял силуэт из виду. Деревья сомкнулись за мной. Кто-то высоко, в развалистых мутовках кривых ветвей, засмеялся, и от этого звонкого перелива стало вдруг жутко.

Шорох и тихое шипенье заполнило пространство вокруг. Маленькие растения кислицы и кустики черники обвили ноги, стебельки поднимались по щиколоткам, и перезревшие ягоды лопались, оставляя на коже фиолетовые кляксы. Из-за тёмно-бурого, почти чёрного огромного елового ствола появилась она. Высокая и большеглазая. Хищная неровная рана красного рта, спутанные рыжие длинные волосы, едва прикрывающие высокую грудь с большими алыми контурами сосков.

– Здравствуй, не меня ищешь?

Я не нашёлся, что ответить, смотрел как телёнок в её смеющиеся глаза. Попытался сдвинуться, но растения обвили уже выше колена и крепко держали меня.

Она оказалась близко, очень близко, так, что я почувствовал запах ромашки и хвои от волос, и ещё чего-то таинственного, откуда-то мне знакомого, из самых дальних уголков памяти.

– Этот твой взгляд, совсем не изменился, – она провела рукой по моему лицу, убрала волосы со лба, слегка ущипнула за щеку и улыбнулась.

– Не бойся, всё хорошо, не обижу.

Она увлекла меня за собой, и почти ничего я больше не помню, только серые её глаза, сладкий шёпот в ушах, от которого кружилась голова, разбегались тёплые волны по телу и перехватывало дыхание.

В открытое окно ворвался шмель и отвлек меня от почти законченного рассказа. Он исследовал кабинет, приземлился на край монитора. Сходя на кухню, налил в блюдце меда, подвинул гостю.

– Передай своему главному привет! – я погладил шмеля по спинке.

Посланец короля, отобедав, поднялся на крыло, бесцеремонно коснулся мохнатым тельцем кончика моего носа, прочертил в воздухе знак бесконечности и вылетел в окно.

...я быстро плыл обратно, чувствуя затылком взгляды из-за деревьев. Мне казалось, что множество холодных ладоней поддерживает снизу меня за тело и ноги, сначала легонько, словно гладят, а потом всё настойчивее и крепче.

Выбравшись на берег, я посмотрел назад, белый силуэт мелькнул и растворился в еловой чаще, а может, мне это показалось. Быстро натянув джинсы и футболку, оглянулся вокруг. Внезапно поднявшийся ветер, раскачивал березу у пожарного пирса. На западе собиралась подозрительная компания облаков. Похоже, циклон пробился в наши края. На ветках появились несколько желтеющих листьев, а вчера я не заметил этого.

Кажется, я догадался о причинах природных метаморфоз. В последнее время накатывала необъяснимая печаль по вечерам, а всем известно, из-за того, что грустно, и начинается осень.